

Г. Н. МАКАРОВ (Петрозаводск)

О ГРАММАТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКАХ СЛОЖНОГО СЛОВА В КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Словосложение — синтаксическо-морфологический способ словообразования — наряду с морфологическим и лексико-семантическим, т. е. омонимией, способами в карельском языке служит одним из средств обогащения его словарного состава.

Вопросы сложного слова в карельском языке в какой-то мере решались уже в 30-х гг. при составлении нормативных грамматик карельского языка, когда создавалась его письменность. В одной из работ Д. В. Бубриха, предназначенной для работников литературы и учителей, говорится, например, что «во время написания настоящей грамматики еще нет уточненных постановлений о... написании сложных слов, поэтому соответствующее место в грамматике (§ 40) имеет характер предложений».²

Д. В. Бубрих констатировал наличие лишь «исключительно именного словосложения». В одних случаях, по его мнению, первая слагающая часть поясняет вторую (*сүгүзү/айга* 'осеннее время'), а в других обе слагающие части выступают на одинаковых началах (*кариэла-вений-ләне* 'карело-русский'). В первом случае перед нами, говорит он, подчинительное словосложение, а в последнем — сочинительное (стр. 27).

В подчинительном словосложении Д. В. Бубрих различал «тесное» и «свободное» словосложения. Тесным словосложением он считал те случаи, когда, во-первых, слагающие части отдельно не употребляются (*тага/пуоли* 'задняя сторона': *тага* — отдельно не употребляется), во-вторых, когда сложное слово имеет значение, не вытекающее прямо из значения составляющих частей (*укон/веммель* 'радуга': *укон* 'старика', а раньше 'божества грома и молнии' и *веммель* 'дуга') и, в-третьих, когда сложное слово представляет собою имя прилагательное, образованное от словосочетания, содержащего имя существительное (*паха/табана* 'дурнонравный' от: *паха таба* 'дурной характер') (стр. 27). К свободным словосочетаниям автор грамматики относил случаи, когда первая слагающая часть оформлена именительным падежом ед. числа (*сүгүзү/айга* 'осеннее время') (стр. 28).

¹ Статья представляет собою развернутое изложение одного из тезисов доклада «Сложные слова сочинительного типа в карельском языке», прочитанного на Всесоюзной финно-угорской конференции в Ужгороде. Названный в докладе тип сложных слов довольно подробно рассмотрен в опубликованных «Тезисах докладов и сообщений Всесоюзной конференции по вопросам финно-угорского языкознания», Ужгород 1963, стр. 9—10.

² Д. В. Бубрих, Грамматика карельского языка. Фонетика и морфология, Петрозаводск 1937, стр. 3.

В написанной через два года школьной грамматике Н. А. Анисимова в какой-то мере учтены эти указания Д. В. Бубриха. Здесь приведено пять случаев образования сложных имен существительных, числительных и прилагательных в основном по семантическому признаку, но не выделены грамматические критерии. Кроме того, ничего не говорится о сложных местоимениях, наречиях и глаголах, а также о сложных словах, состоящих из трех и более компонентов.³

На этом уровне, можно сказать, и остановилось исследование сложных слов в карельском языке. В связи с составлением диалектологических словарей в настоящее время проблема сложного слова в карельском языке имеет не только теоретическое, но и чисто практическое значение, так как от правильного ее решения в значительной мере будет зависеть и состав словарных статей и даже объем словаря в целом.⁴

При решении проблемы сложного слова, нам кажется, необходимо исходить из того, что его границы определяются не вообще, а специфическими особенностями конкретного языка. Одни и те же составные компоненты в одном языке могут образовать словосочетание, а в другом, даже в родственном языке, в силу ряда обстоятельств они же образуют сложное слово. Например, в коми языке *пу пань* (досл. *дерево/ложка*) образует словосочетание *деревянная ложка*, в карельском же языке это же сочетание *puw/lužikka* (досл. *дерево/ложка*) образует сложное слово, так как в карельском языке благодаря наличию согласующегося определения, выраженного относительным прилагательным *puwhiine* 'деревянный', это же понятие может быть передано синтаксическим словосочетанием *puwhiine lužikka* 'деревянная ложка'.⁵

Ниже на материале карельского языка (главным образом ливвиковского и собственно-карельского диалектов) делается попытка показать некоторые грамматические признаки сложного слова, отграничивающие его от других лексических и синтаксических единиц.

Вопрос о сложном слове теснейшим образом связан с вопросом о словосочетании и фразеологии, ибо одни и те же пары слов в карельском языке (да и в ряде родственных языков) могут выступать и как сложное слово, и как словосочетание. С полной определенностью о сложном слове или словосочетании можно говорить лишь в тех случаях, когда имеются определенные материальные показатели, выступающие или только в составе сложного слова или только в составе словосочетания. При решении этого вопроса следует исходить из того, что словосочетание является синтаксической единицей, а сложное слово — единицей лексической. Сложное слово в отличие от синтаксического словосочетания обладает идиоматичностью. Этой стороной оно перекликается с фразеологизмом, однако отличается от него своей цельнооформленностью.

³ Н. А. Анисимов, Карельской кизлен грамматика, I чуасти. Фонетика и морфология, Петрозаводска 1939, стр. 40—41.

⁴ Отметим кстати, что неправильно будет считать сложными словами образования типа: *kielen/malttai* 'kieliä osaava', 'владеющий языком', *kivikkö/pohju* 'kivikkö-pohjainen', 'каменное дно', *meijän/tšupul* 'kotinurkilla', 'в наших краях', *midägä-sidä* 'erikoista, jotakin', 'что-то особенное' и т. д., встречающиеся в изданном не так давно в Финляндии словаре карельского языка Пекка Похьянвало (Pekka Pohjanvalo, Salmin murteen sanakirja. Täydennysosa, Helsinki 1950, стр. 91, 101, 186, 188).

⁵ Об аналогичных случаях в финском и родственных языках см. подробнее Г. Н. Макаров. К вопросу об отграничении сложного слова от словосочетания в литературном финском языке. — Труды Карельского филиала АН СССР, вып. XII. Прибалтийско-финское языковедение, Петрозаводск 1958, стр. 32, 47—48.

Слово от словосочетания отличается своим грамматическим оформлением: формами падежа, числа и проч. Кроме того, слово, в том числе и сложное, может при помощи словообразовательных суффиксов выражать новые понятия, например: *kod'i* 'дом', *kojit* 'домá', *kod'ilañe* 'домашний', *kod'ilazet* 'домочадцы'; *lammaš/nahka* 'овчина (досл. овца/шкура)', *lammaš/nahkahiñe* 'овчинный, сделанный из овчины' и т. д. Словосочетания же не могут принимать словообразовательные суффиксы.

Сложное слово в своем развитии может пройти несколько стадий. На первой стадии многие из сложных слов могли напоминать свободные синтаксические словосочетания, например: *ristämä* (< *rišt'ijä emä*) 'крестная (досл. крестьящая мать)'. Наряду с утратой или «стиранием» звуков могло произойти и утрачивание первоначального значения слов-компонентов. В таких словах, как *sevoitar* 'двоюродная сестра, двоюродный брат', *süöjättäri*, *süötteri*, *süöjätarakka* 'сказочный образ, подобный образу бабы-яги в русских сказках'.⁶ Суффикс *-tar* (*-tär*) восходит к самостоятельному слову *tütär* 'дочь'. К самостоятельным словам возводятся и такие суффиксы, как *-moine* (*-möine*) (< *muo(to)* 'форма'): *tuommoine* 'такой' (указывает на предмет, находящийся в отдалении), *tämmöine* с тем же значением, но указывает на предмет, находящийся поблизости. Очень близко к суффиксу со значением оттенка цвета и качества приближается слово *karvu*, *karvaine* (< *karvu* 'шерсть, масть'): *kullan/karvaine* 'золотистый', *armahan/karvaine* 'очень приятный на вид (досл. милого/цвета)'; *On orahan/karvalla šulku*, *zo'an/karvalla šulku*, *t'ähen/karvalla šulku* (АКФ, 45/11) 'На нем зеленый шелк (досл. шелк цвета озими), розовый шелк (досл. шелк цвета зарю), голубой шелк (досл. шелк цвета звезды)'. Из таких компонентов образованные сложные слова максимально приближены к простым словам.⁷

Близки к простым словам и такие по своему происхождению сложные слова, в которых одним из компонентов выступает какое-либо вышедшее из употребления самостоятельное слово, значение которого в настоящее время затемнено и иногда даже не поддается расшифровке. В современном карельском языке в качестве самостоятельных слов не встречаются, например, такие компоненты сложных слов, как: *-piel'i*: *uksen/piel'i* 'косяк двери', *dorogan/piel'i* 'обочина, место около дороги', *korvan/piel'i* 'висок'; *-lakku*: *piä/lakku* 'голова, башка; макушка'; *-raivo*: *taga/raivo* 'затылок'; *Semmoine lapsi rod'iiheze: päivö piälakal pastaw*, *kuwdamoine tagaraivol kumottaw* (АКФ, 99/5) 'Такой ребенок родился, что на макушке солнышко светит, на затылке луна сияет'; *-žikko* (*-žikkö*): *mandžoi/žikko* 'земляничник'; *l'ähti muarjužikkoh*, *a ruwtui tütöžikköh* 'отправился по ягоды (досл. в ягоdnик), а попал к девушке (досл. место, где много девушек)'; *-tañnikka*: *olla kaikki päivä jalga/tañnikašša* 'быть на ногах целый день'; *-lakko*: *öö/lakko* 'летучая мышь; перен. гуляка, бродящий по ночам'; *-liško* (*-liškö*): *vede/liškö* 'пресмыкающийся, змея'; *šiži/liškö* 'ящерица'; *suzi-*: *suzi/mustu* 'черный как уголь'; *kašta-*: *kašta/šiemii/piirua* 'пирог с начинкой из ячневой крупы'; *sajan-*: *sajan/naine* 'гостя на свадьбе со стороны невесты' и др.

⁶ Об этом образе см. подробнее в работе У. С. Конкка, Карельские народные сказки, Москва—Ленинград 1963, стр. 21.

⁷ Значительно больше суффиксов, образованных от самостоятельных слов, встречается в финском языке. См. А. Ahlqvist, Liittosyntysistä nomineista suomen kielesä. — Kieletär 1872, 2. vihko, стр. 32; Л. Хакулинен, Развитие и структура финского языка, часть I, Москва 1953, § 53; Д. В. Бубрих, Историческая морфология финского языка, Москва—Ленинград 1955, стр. 107—109; У. Н. Toivonen, Vuosi. — Suomi, 101. osa, Helsinki 1942, стр. 266; А. Penttilä, Suomen kielipoppi, Porvoo—Helsinki 1957, стр. 286, 291.

Значение некоторых из этих (и подобных им) слов мы можем установить по родственным языкам. Например, *lakku*: в финском языке *lakka* означает 'крыша; широкая стреха крыши; чердак; широкая вершина сосны', в эстонском языке *lakk* 'грива лошади; чердак', в ливском языке *lakkād* (pl.) 'грива лошади'; в удмуртском языке *loga* 'шалаш из сучьев, хвой'; в венгерском языке *lakni* 'жить' (SKES, 272); *raivo*: в финском языке 'затылок', в народной поэзии 'череп': *Näki päitä pyöri-viä, raivoja ratisevia* (NS) 'он видел головы кружащиеся, черепа хрустящие'; *suzi*: в финском языке *sysi* 'древесный уголь', в народной поэзии 'сажа': *syli syttä (= nokea) hartioilla* (NS) 'на сажень толщиной сажа на плечах'; в эстонском языке *süsi* 'уголь', *puu/süsi* 'древесный уголь' (EVS, 586, 458).

Критерием самостоятельности слова, кроме его внутренней целостности, т. е. семантики, может считаться способность слова иметь грамматическое оформление. У имен это выражается в форме признаков числа и падежных окончаний в парадигме склонения, у глаголов — в форме личных окончаний, признаков числа, времени и наклонения. Но есть слова (в частности имена прилагательные), которые не изменяются. Чтобы считать их самостоятельными словами, они должны выполнять присущие им в предложении функции и иметь характеризующие их признаки. Несклоняемое имя прилагательное может, например, выступать в роли определения имени существительного: *aiga taloi on!* 'какой дом!', ср. *hyvä taloi on* 'хороший дом'. Несклоняемое прилагательное, кроме того, может определяться наречием степени: *ünnäh pikku t'üt't'özenä i issutettih kuožal'in tagah* (ОКР, 64) 'совсем маленькой девочкой (досл. *маленькая девочкой*) сажали за прялку'.

Основным признаком отдельности слова, в том числе и сложного, в отличие от словосочетания и фразеологизма является цельнооформленность. Она может быть выражена: 1) фонетически, 2) морфологически и 3) синтаксически. При каждом из этих показателей цельнооформленности имеет место смысловое единство (идиоматичность) составляющих сложное слово компонентов, при котором в сознании воспринимающего происходит «смена образа». Смысловое единство, или семантическая спаянность, «сплавленность» компонентов (Д. В. Бубрих) характерна также и для фразеологических единиц, однако их отличительной чертой является раздельнооформленность. Например: *hengittää hiemua* 'помалкивать (досл. *дышать в рукав*)'; *harčule harjaua* 'хотеть дарового (досл. *привыкнуть к харчам*)'; *juosta piä kolmandennu jallannu* 'бежать сломя голову (досл. *бежать так, что в качестве третьей ноги используется голова*)'; *olla ni iwzi, ni küpsü* 'быть ни живым, ни мертвым (досл. *ни недопеченым, ни печеным*)' и т. д.

Смысловое единство слагаемых в сложном слове компонентов может быть выражено формулой $A + B \neq AB = C$. Целое (C) может очень сильно отличаться от суммы (AB) или ограничиваться только незначительными смысловыми различиями.

1. Фонетическим признаком цельнооформленности сложного слова в карельском языке в отдельных случаях может служить уподобление сложного слова по линии гармонии гласных (в нарушение общего правила, по которому компоненты сложного слова не подчиняются закону гармонии гласных), например: *käžäst'ii* (< *käži/ašt'ii* 'рука/посуда') 'рукомойник'; *viäristü* (< *veži/ristu* 'вода/крест') 'крещение'; *Mängiä, tytöt, stolan tuakse, Jongoi* (< *jo/nygöi*) *žeñihu tulou* (КНП, 77) 'садитесь, девушки, за стол, уже (досл. *уже/теперь*) жених приходит'.

К фонетическим признакам сложного слова относится и особое, объединяющее ударение и отсутствие паузы при произношении отдельных компонентов сложного слова. Разница в ударении особенно ощущается в тех случаях, когда сложное слово отличается от соответствующего по компонентам словосочетания идиоматичностью. Например, сложное слово *kukin/sil'mät* 'куриная слепота (досл. *глаза/петуха*)' произносится совсем не так, как произносится, к примеру, синтаксическое словосочетание *pienen kukin sil'mät* 'глаза маленького петуха'; сложное слово *koiran/l'ewgu* 'собачий зуб (бондарный инструмент для натяжки обручей, досл. *собачий подбородок*)' произносится иначе, чем синтаксическое словосочетание *vihažan koiran l'ewgu* 'подбородок злой собаки' и т. д.

На основании фонетического признака (объединяющего ударения) и семантической спаянности компонентов в карельском языке можно выделить целую группу так называемых «истинных» сложных слов, близких к идиоматическим образованиям, но отличающихся от них цельюоформленностью. Например: *varoin/sorkat* 'цыпки на ногах (досл. *вороны/ноги*)', *jänöin/huwl'i* 'заячья губа (раздвоенная верхняя губа у человека)', *jumalan/rubi* 'оспа (досл. *божий/струн*)', *kažin/karvu* 'нарыв на пальце (досл. *кошачья шерсть*)', *koiran/näññi* 'ячмень в глазу (досл. *собачий сосок*)', *sanan/polvi* 'поговорка (досл. *слово/колени*)' и т. д.

В связи с тем, что в этих образованиях первый компонент оформлен генитивом, формально такие образования могли бы считаться синтаксическими словосочетаниями (ср. их значения в дословном переводе). Однако объединяющее ударение и смысловая спаянность целого (С) не допускают толкования этих компонентов в прямом смысле как сумму (АВ), значение «целого» не соответствует значению «суммы», например: *kažin/karvu* в «сумме» означало бы 'кошачью шерсть, шерсть кошки', а в «целом» — это означает 'нарыв на пальце, вблос'.

У других пар слов «сумма» компонентов противоречит логическому смыслу: *oven/šiw* в «сумме» означало бы 'рот двери', а в «целом» — это 'место у двери, около двери'; *sanan/polvi* в «сумме» — это 'колени слова', а в «целом» — 'поговорка, поговорка, фигуральное выражение'. Поэтому на основании объединяющего ударения и семантической спаянности компонентов подобные образования следует относить к сложным словам.

Вторую разновидность с объединяющим ударением семантически спаянных образований составляют имена существительные, первый компонент которых стоит в форме номинатива, т. е. грамматически не оформлен, например: *turki/mado* 'гусеница (досл. *шуба/червь*)', *tua/kondii* 'крот (досл. *земля/медведь*)', *sil'mü/kaivo* 'родник (досл. *глаз/колодец*)', *iñi/kuha* 'соня, сонливый человек (досл. *сон/судак*)', *šuola/heijä* 'шавель (досл. *соль/трава*)', *šuwrima/kukko* 'каприза (досл. *крупя/пирог*)', *šavu/harakka* 'сойка, перен. непоседа (досл. *дым/сорока*)', *kilda/venča* 'муж или жена (досл. *золото/венец*)', *l'ehti/rebo* 'льстец (досл. *лист/лиса*)'. «Целое» в этих примерах также не соответствует «сумме», и разложение на составные компоненты может только помочь раскрытию этимологической природы этих образований. Например: *turki/mado* (*turki* 'шуба' и *mado* 'червь') в «целом» означает род гусениц (личиночной фазы бабочек), покрытых пушинками, как бы шубой; *tua/kondii* (*tua* 'земля' и *kondii* 'медведь') в «целом» означает крота, похожего чем-то на медведя.

По этой модели в карельском языке образуется основная масса сложных имен существительных, в которых идиоматичность может быть

и не выражена или выражена не столь ярко, например: *t'ie/šuaru* 'развилка дороги (досл. *дорога/ответвление*)', *käzi/varzi* 'часть руки от плеча до ладони (досл. *рука/черенок*)', *kevät/vihmu* 'весенний дождь (досл. *весна/дождь*)', *vihmu/kevät* 'дождливая весна (досл. *дождь/весна*)'.

К фонетическим же признакам следует отнести и метатезу, возникающую в результате тяготения к более привычному сочетанию звуков или аналогии, например: *rista/t'ei* (< *rist'i, rista* 'крест' и *t'ie* 'дорога') 'перекресток'; *jos et l'ähe ümpäri moa/l'imoa* (< *moa/ilma*) *kiertämäh* (АКФ, 12/3) 'если не пойдешь вокруг света (досл. *земля/мир*) бродяжничать'.

2. Под морфологическими признаками отнесения образований к сложным словам в карельском языке понимаются изменения, которые претерпевает основа или окончание одного или обоих слов-компонентов. Сюда же относится и выпадение отдельных звуков или даже целых слогов в конце слова, а также появление новых звуков. Изменения основы или окончания слов-компонентов можно разделить на несколько групп:

а) изменение гласной основы первого компонента (появление новых гласных или замена одних гласных другими): *Korbimualoil kojahuttaw*, / *Kangasmualoil kajaitaw*, / *Heiñi/mualoil* (< *heiñä/mualoil*) *heijäittäw* (КЭП, 256) 'В дремучих лесах эхо звучит, / В борах эхо отдается, / В травах (досл. *в травах/землях*) звенит'; *Oi sinä, Seppo Ilmol'iine*, / *Igi-hüvien* (< *igä[ižet]/hüvät*) *tagojaine*, / *Hiilossa ravvan hiiluttaju* (КЭП, 247) 'Ой ты, кузнец Ильмоллине, / Вековечный (досл. *вечных/доброт*) искусный кователь, / В горне ты раскаляешь железо';

б) имена на *-ñi*, *-ñe*, *-ine* в роли первого компонента сложного имени существительного выступают с согласной основой на *-š-*, *-s-*, *-ž-*, например: *tuw'l'iš/viehkuri* (< *tuw'l'iine/viehkuri*) 'буря (досл. *ветряной смерч*)', *ñeiž/lapsi* (< *ñeidiine/lapsi*) 'девочка (досл. *девушка/ребенок*)', *naiž/puol'i* (< *naine/puol'i*) 'женщина, человек женского пола (досл. *женщина/человек*)'; *Poikai katkai šiivis/künkän* (< *šiiviñi/künkä*) *kotkalla ta l'äksi jäl'el'l'äh* (АКФ, 19/23) 'Парень взял да и сломал крыло (досл. *крылатый бок*) у орла и пошел прочь'; *Niekla l'öwtää mennessäh tervas/kannon* (< *tervani/kanto*) (АКФ, 22—2/69) 'Иголка по дороге находит осмол (досл. *смолистый/пень*)'; *Y'l'en puaksuh ñeidis/aigaine* (< *ñeidiine/aigu*) *Minul mieleh d'uohtuu* (КНП, 111) 'очень часто девичья пора (досл. *девушка/время*) мне вспоминается'; *i't'köw muččöñe meččäziisä*, / *kaŋašmuahužiilla kojahuttelow*, / *heiñäs/muahužiilla* (< *heiñäne/mua*) *hel'ähüt't'el'öw* (ОКР, 26) 'плачет молодуха во лесочке, / в бору [в местах где бор] ее голос отдается, / на лугах (досл. *на травяных/землях*) эхо ее голоса слышится';

в) выпадение конечной гласной или целого слога у первого компонента: *el/aiga* (< *elo/aiga*) 'жизнь (досл. *жизнь/время*)', *hein/argi* (< *heinü/argi*) 'сенокос (досл. *сено/будни*)', *lam/aidu* (< *lama/aidu*) 'горизонтальная изгородь (досл. *боковая/изгородь*)', *riš/čikko* (< *rist'i/čikko*) 'подружка (досл. *крест/сестра*)'; *eruol'itgo šie ... eišt'üjišt'ä vald/ilman* (< *valda/ilma*) *pil'vüzišt'ä i l'iivahista l'indužista l'end'äjišt'ä?* (ОКР, 74) 'распросталась ли ты ... с плывущими по небу тученьками белого света (досл. *большого/света*) и с птицами небесными (досл. *по небу парящими*)'; *jukkuo ol'i väg/äijä* (< *vägi/äijä*) *varušsettu, kaikki kissoin, koržin'kia luajiin* (ОКР, 129) 'Сосновых чурок было порядочно (досл. *сила/много*) заготовлено, все я отщепал, корзинки делал'.

3. В качестве синтаксического признака сложного слова может служить наличие в контексте определения, относящегося к сложному слову в целом или к какому-либо из его компонентов в отдельности:

а) наиболее прозрачно разница между сложным словом и словосочетанием выступает в тех случаях, когда в контексте имеется определение, относящееся к образованию как к некоему целому: компоненты такого сочетания образуют сложное слово. Например: *jogakeviäl'l'izet kukin/šil'mät* 'хроническая куриная слепота (досл. *ежевесенние петушинные глаза*)'; *rawdaine koiran/l'ewgu* 'железный собачий зуб (досл. *собачий подбородок*)', *ruškiet oravan/künnet* 'красные заусеницы (здравшиеся кожицы) (досл. *когти белки*)'. Если же определение относится только к одному из компонентов или оба компонента имеют определение, то эти компоненты образуют не сложное слово, а словосочетание, например: *pienen kukin šil'mät* 'глаза маленького петуха', *kukin pienet šil'mät* 'маленькие глаза петуха'; *koiran pureteldu l'ewgu* 'перекусанный подбородок собаки', *vihažan koiran l'ewgu* 'подбородок злой собаки' и т. д.;

б) в роли синтаксического признака может выступать и нарушение «твердого» порядка слов, характерного для нормы языка. По этой модели образуются сложные имена прилагательные, в которых первый компонент выражен именем существительным, а второй — качественным именем прилагательным: *kivi/kova* 'твердый как камень (досл. *камень/твердый*)', *pigi/musta* 'черный как смоль (досл. *вар/черный*)', *veži/harmai huaburiw* 'водянистосерого (досл. *вода/серая*) цвета осина', *tuhku/kuivu tua* 'сухая как зола (досл. *зола/сухая*) земля, почва', *vid'i/valgiet käžipaikat* 'снежно-белые (досл. *поземка/белые*) полотенца', *veži/märgü* 'мокрый так, что вода капает (досл. *вода/мокрая*)', *kežä/kawñis päiväine on heidizen nuori igäine* (АКФ, 70/5) 'красивы как летние деньки (досл. *лето/красивый*) молодые годы девушки', *talvi/vilut rakkažet* 'зимние (досл. *зима/холодные*) морозы'.

Перечисленные выше образования порядком расположения компонентов не соответствуют синтаксическим словосочетаниям: определение (которое в синтаксическом словосочетании было бы выражено именем прилагательным) в этих сочетаниях стоит после определяемого, выраженного именем существительным. Кроме того, имя прилагательное по нормам языка может определяться только наречием степени (*ül'en märgü* 'очень мокрый'), а здесь в роли «определения» имени прилагательного стоит имя существительное. Это также противоречит нормам языка. Показателем цельюоформленности таких образований служит нарушение обычного порядка слов, нарушение грамматических функций (= имя существительное в качестве «определения»), а также объединяющее ударение.

Такие имена прилагательные выражают отношения через сопоставление с именем существительным того качества, которое для данного имени существительного является постоянным, неотъемлемым: *suzi/mustat tukat* 'черные как смоль (досл. *как уголь*) волосы'. Черный цвет для смолы или угля является характерным, неотъемлемым качеством.

Таковы в общих чертах грамматические признаки отдельного слова, сложного слова, фразеологизма и синтаксического словосочетания в карельском языке.

Сокращения

АКФ — Архив Карельского филиала Академии наук СССР (ныне: Петрозаводский институт языка, литературы и истории АН СССР); **КНП** — Л. М. Кершнер, Карельские народные песни, Москва 1962; **КЭП** — В. Я. Евсеев, Карельские эпические песни, Москва—Ленинград 1950; **ОКР** — Г. Н. Макаров, Образцы карельской речи (говоры калининских карел), Москва—Ленинград 1963; **EVS** — J. Tamм, Eesti-vene sõnaraamat, Tartu 1949; **NS** — Nykysuomen sanakirja, Porvoo—Helsinki 1951—1961; **SKES** — Y. Toivonen, Suomen kielen etymologinen sanakirja II, Helsinki 1958.

G. N. MAKAROV (Petrozavodsk)

ABOUT THE GRAMMATICAL CHARACTERISTICS
OF THE COMPOUND WORD IN KARELIAN

Word-building is a productive means of the enrichment of the vocabulary of the Karelian language. The criteria of the compound word have not been elaborated though some attempts were made by D. V. Bubrich in 1930, when the Karelian written language was being created. In solving the problem of the compound word it is necessary to know that its limits are determined not in general, but by the peculiarities of the concrete language. For example, in Komi the combination *пу пань* forms a word combination 'a wooden spoon', but in Karelian and in Finnish the same combination forms a compound word *puw/lužikka* (Kar.), *puu/lusikka* (Finn.), as in these languages the same idea can be expressed by a syntactical word combination: *puwhiñe lužikka* (Kar.), *puinen lusikka* (Finn.), thanks to the presence of the attribute expressed by the relative adjective *puwhiñe* (Kar.) and *puinen* (Finn.).

The problem of the compound word is closely connected with the problem of the word combination and phraseology. The concept of "word" differs from "word combination" in its grammatical form: forms of case, number, etc. Thanks to the given word-building suffix a word can express new ideas. In its "development" the compound word can have several stages ranging from a free syntactical word combination to the loss of the original meaning of the component. In the modern Karelian language such components of compound words as *-piel'i*, *-lakku*, *-žikko*, *-liško*, *-raivo* and others do not occur as independent words.

The principal characteristic feature of the compound word is its integrity. This can be expressed: (1) phonetically: assimilation of components according to the harmony of the vowels *käžäšt'ii* < *käži/ašt'ii* 'wash-stand'; combining stress and omission of the pause: *koiran/näññi* 'sty in the eye' and *koiran näññi* 'nipple of a dog'; metathesis appearing as a result of tendency to more habitual combination of sounds or by analogy: *rista/tei* < *risti/tie* 'fork of roads', *moa/l'ima* < *moa/ilma* 'world'; (2) morphologically: by changing the root vowel of the first component: *heiñi/muat* < *heinä/muat* 'hay-makings'; shortening of the root: *ñeiž/lapsi* < *ñei-diine/lapsi* 'a girl'; (3) syntactically: by changing the strict word-order which is typical of the language norms: *veži/märgü* 'dripping wet'.